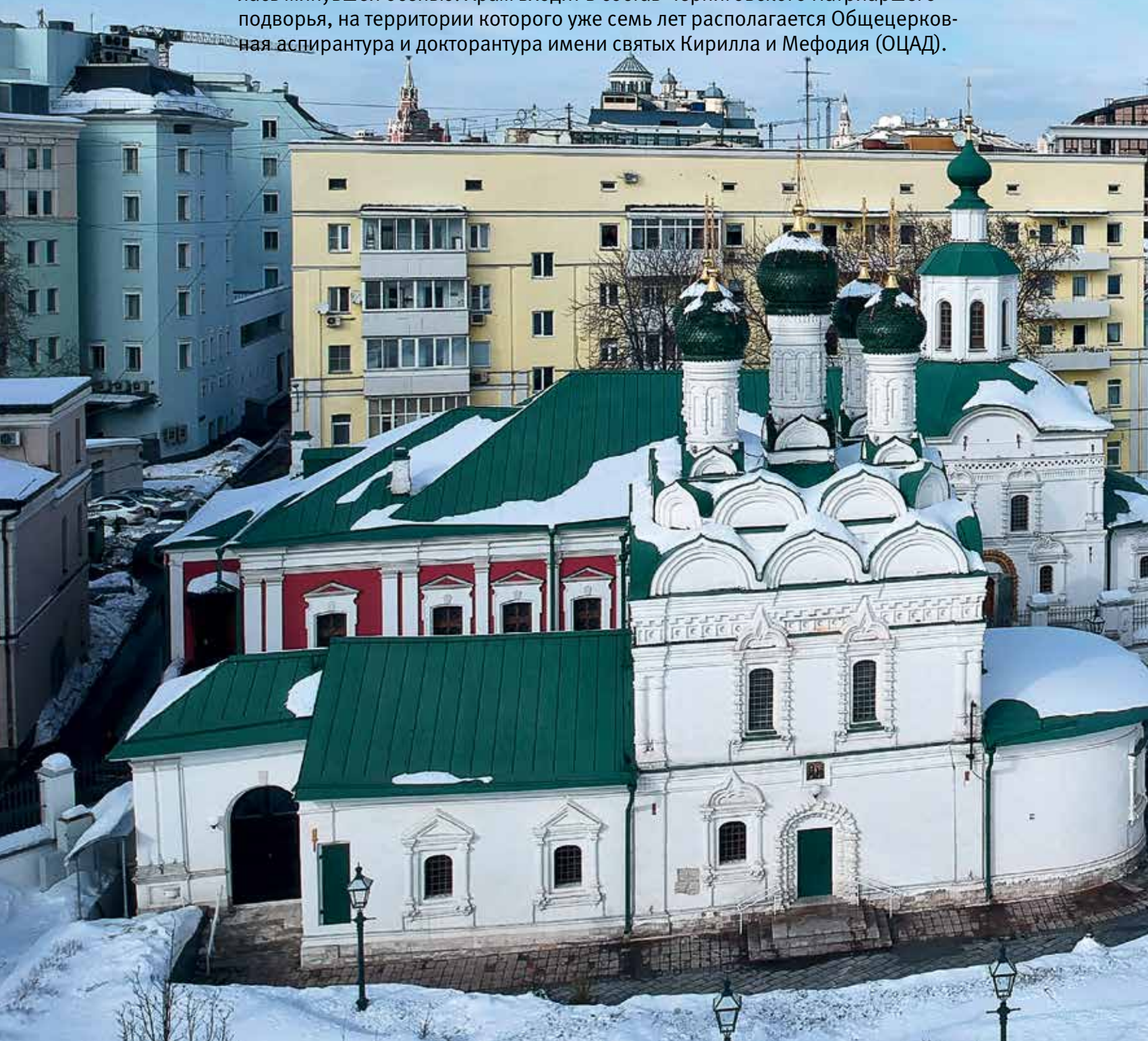

По молитве Черниговских святых

11 марта Святейший Патриарх Кирилл освятил московский храм Святых мучеников Михаила и Феодора Черниговских, реставрация которого завершилась минувшей осенью. Храм входит в состав Черниговского Патриаршего подворья, на территории которого уже семь лет располагается Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия (ОЦАД).

В помещения Черниговского Патриаршего подворья ОЦАД переехала в 2010 году. И сразу обрела здесь два древних храма — Усекновения главы Иоанна Предтечи под Бором XVI века и святых Михаила и Феодора Черниговских XVII века. Службы в них шли, но оба здания нуждались в срочной и масштабной реставрации. По благословению ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры митрополита Волоколамского Илариона, в том же году начались восстановительные работы, в которых были задействованы лучшие специалисты в области охраны памятников, археологии, церковной живописи и архитектуры. Сегодня эта сложная и многолетняя работа подошла к концу, и Черниговское подворье возрождено.

Открывающиеся смыслы

Митрополит Волоколамский Иларион, приветствуя Святейшего Патриарха Кирилла по окончании Литургии во вновь освященном храме святых Михаила и Феодора Черниговских, отметил, что реставрационные работы в нем проходили под непосредственным наблюдением Предстоятеля Русской Православной Церкви и при участии правительства Москвы.

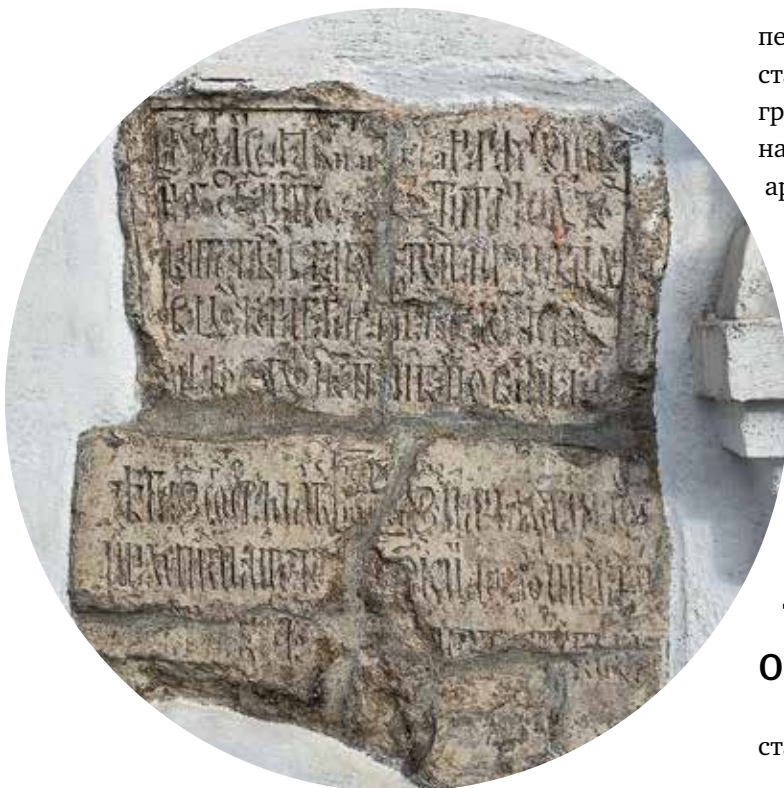
Митрополит Иларион также курировал всю реставрацию от начала и до конца. Художники-

реставраторы, занимавшиеся восстановлением внутреннего убранства храма, сегодня рассказывают, что его поддержка и помощь выручала их в критические моменты.

«Был сложный период, когда и сроки поджимали, и у всех было сильное физическое и эмоциональное напряжение, — делится своими воспоминаниями Александр Чорба, заместитель директора по реставрации компании «Арт-иконник», которая занималась внутренними восстановительными работами в Черниговском храме. — Приехал владыка, прошелся по храму, посмотрел и, выходя, улыбнулся, благословил. И все пошло легче».

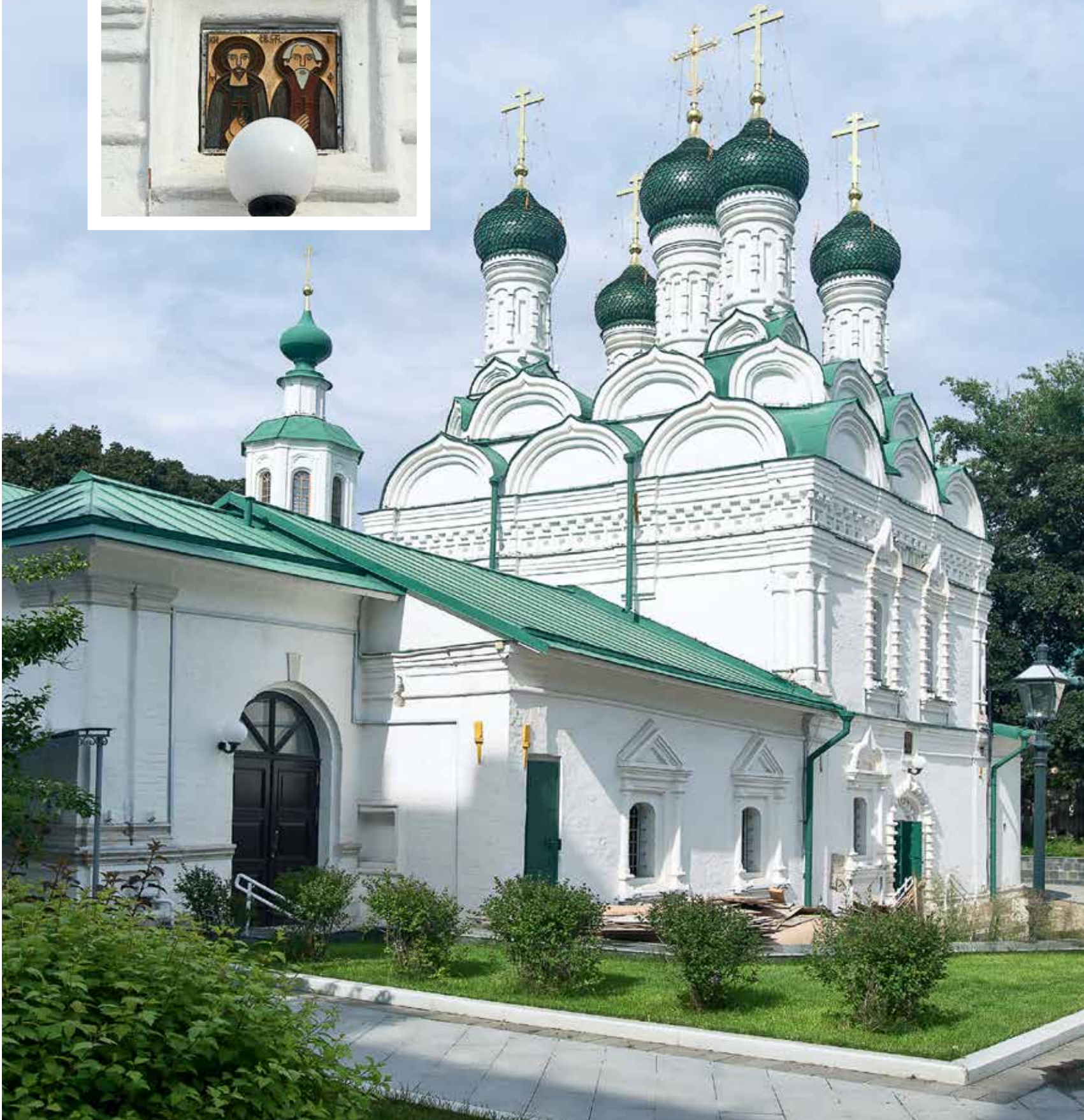
Художник-монументалист Павел Медведев воссоздавал утраченные настенные росписи Черниговского храма. Он рассказывает, как восстанавливали огромную фреску размером 7,5 × 5 м «Христос в доме Симона фарисея»: «На стене сохранился лишь фрагмент фигуры Христа, часть пола и окончание подписи под фреской. Эта подпись могла бы раскрыть сюжет утраченной росписи, но как ее поймешь по обрывку фразы. И нам помог митрополит Иларион. По нескольким словам он восстановил всю фразу, и оказалось, что это слова Христа, обращаясь к Симону. Так нам стал понятен сюжет фрески».

К восстановительным работам внутри храма первыми приступили археологи. Они вскрыли старые полы и под 70-сантиметровым слоем грунта обнаружили надгробие XVII века. Эта находка стала неожиданностью не только для археологов, но и для историков, занимающихся этим храмом. Под плитой было найдено и само захоронение. По сохранившейся надписи на плите выяснили, что это останки известного в свое время человека, купца суконной сотни, родоначальника рода Малютиных, который участвовал в принятии первого московского Торгового устава. По преданию, он завещал своей жене после его смерти построить каменный храм святых Михаила и Феодора Черниговских на месте деревянного, что она и сделала.

Огромный коллективный труд

Когда фундамент храма и пол были восстановлены, приступили к реставрации стен

и сводов. Мы заходим с Александром Чорбой и Павлом Медведевым в храм, и, глядя на настенные росписи, реставраторы вспоминают, в каком состоянии находился этот памятник, когда в начале 2006 года они вошли сюда в первый раз, чтобы оценить объем предстоящих работ.

«Мы увидели стены с ободранной штукатуркой и с обрывками кое-где сохранившейся росписи. Как потом выяснилось, до нас дошло только 30% авторской живописи», — делится своими воспоминаниями Александр. Павел подтверждает слова Александра сделанными тогда фото, на которых весь масштаб разорения храма документально зафиксирован. Интересуюсь у Павла, как удалось полностью восстановить фрески, когда они или вообще были утрачены, или от них оставался один краешек.

По его словам, прежде чем художникам «выйти на стену», то есть приступить непосред-

ственно к реставрации, целый год проводилась историко-культурная экспертиза, в которой участвовало множество специалистов — историки, искусствоведы, археологи. «В этой церкви, — рассказывает Павел, — представлен синодальный стиль церковной живописи, так называемый академизм, где все изводы известны, все правила и предписания, как кого надо изображать, установлены. Это ростово-ярославская школа начала 1830-х годов. В Ярославской области есть храмы с такой же живописью, которые хорошо сохранились, куда мы ездили, смотрели. Присутствует в Черниговском храме и более позднее письмо начала XX века и по стилю относящееся к росписям Марфо-Мариинской обители. Можно предположить, что их делала та же бригада художников, что и в обители. Это васнецовская школа, тоже хорошо нам известная».

«Это новая живопись или восстановленный старый кусок?» — спрашивает у меня Александр Чорба, показывая на одну из настенных росписей. Я теряюсь с ответом. «То, что вы не находите ответа, во многом подтверждает, что нам удалось самое сложное в реставрации фресок Черниговского храма, — поясняет Александр. — Необходимо было не только максимально сохранить и восстановить куски дошедшей до современности авторской живописи, но и так дописать недостающие фрагменты, чтобы не

было видно, что это новодел, — говорит художник. — Сначала к своей работе приступили реставраторы, которые “раскрыли” сохранившиеся настенные росписи, очистили их поверхность от загрязнений, укрепили. А затем за работу взялись 12 реставраторов и столько же художников. Это был огромный коллективный труд», — заключает Александр.

Евангелие на 14 языках

Протоиерей Михаил Немнонов служит на Черниговском подворье с 2007 года и замечает, что после реставрации стало заметно расти число прихожан Черниговского храма. «И не только за счет жителей соседних домов, но и тех, кто сюда приезжает помолиться из других районов Москвы, — рассказывает отец Михаил. — Некоторые заходят в храм по дороге на работу или с работы. Приходская жизнь здесь только за-

Бывает, что на одной Литургии в этом храме могут служить представители сразу нескольких автокефальных Православных Церквей.

рождается. Но мы вместе с прихожанами уже проводим социальную работу, приход навещает подопечных находящегося неподалеку дома престарелых».

Но, конечно же, тут регулярно служат и молятся студенты Общецерковной аспирантуры и докторантуры. Как отмечает Мигель Паласио, руководитель Управления по общественным связям и протоколу ОЦАД и преподаватель церковной дипломатии, это делает приход уникальным: «У нас учатся представители

Греции, Сербии, Болгарии, Македонии, Кипра, Словакии, Бельгии, Сирии, Японии, Филиппин, Мьянмы. Важной составляющей их жизни в Москве является участие в богослужениях, на которых они часть службы могут произносить на своем родном языке. Бывает, что на одной Литургии могут служить представители сразу нескольких автокефальных Православных Церквей. Поначалу прихожане Черниговского подворья удивлялись, почему некоторые молитвы или возгласы звучат не на церковнославянском языке. А со временем сами стали спрашивать: когда же мы

услышим что-то по-сербски или по-гречески? Таких многоязычных приходов, пожалуй, больше не встретишь в Москве».

Приходской опыт, который сформирован в храме при высшем духовном образовательном учреждении, особенно важен для его студентов, которые приехали учиться в Москву из других стран.

Алексей Шириков учится на первом курсе магистратуры по программе «Внешние церковные связи». «Мне интересно общение с представителями других традиций, — замечает Алексей. — Здесь ты понимаешь, что границы существуют лишь в нашем сознании. Вера же вообще преодолевает все границы, и получается всемирное Православие».

Архимандрит Синесий (Викторатос) приехал учиться в Общецерковную аспирантуру из Гре-

ции. Он вспоминает, что первое время службы на Черниговском подворье давались ему не просто, поскольку он не знал русского языка. «Из-за языкового барьера мне казалось, что я далек от Бога. Но я стал учить русский язык и теперь служу на церковнославянском. Конечно же, у меня сейчас совершенно другие чувства, я более уверенно себя чувствую. И хочу заметить, что церковнославянский мне было легче понимать, чем современный русский язык, потому что его грамматика, ударения в чем-то схожи с древнегреческим языком». Сильное впечатление на отца Синесия произвел русский церковный хор: «У нас в Греции нет таких больших хоров, поют один-два человека. А здесь люди собираются помногу и поют, и это великолепное зрелище. Меня это так вдохновило, что я начал изучать церковное пение и пробую петь».

Милян Никитович из Сербии закончил подготовительный курс и учится на первом курсе магистратуры. Он служит на Черниговском подворье пономарем, поет на клиросе. «В Русской Церкви очень торжественное богослужение. Бывает, мы поем по-гречески, по-сербски, по-арабски, по-японски. И это производит сильное молитвенное впечатление: чувствуешь себя как на празднике Пятидесятницы, когда молятся на разных языках». Милян с восхищением рассказывает, как на Пасху Евангелие читали на 14-ти языках. «Такой торжественной Пасхальной службы, как в Москве, я больше нигде не видел. Всю Пасхальную неделю каждый день проходят крестные ходы. У нас такого нет. Это радостно наблюдать».

А вот иеромонаха Александра (Галушку), приехавшего из Словакии, поразила красота, благолепие московских храмов и их количество. «В Словакии храмов не так много, буквально по одному в городе. А в Москве, особенно в центре, на одной улице их может быть два, три. Поначалу я заходил в каждый храм, который мне попадался по дороге, но потом понял, что если буду и дальше так идти, то не скоро доберусь до нужного места». Отец Александр любит слушать на службах в Черниговском подворье пение на разных языках и разными распевами и надеется, что на подворье будут приходить еще больше москвичей, с которыми можно будет вместе молиться.

Елена Алексеева